Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2 (35). С. 269-274.

УДК 303.01 https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.2(35).269-274

В.О.Шипулин

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИИ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Исследуется проблема конструирования нации в теоретическом и прикладном аспекте: рассматриваются различные толкования концепта «нация» в рамках конструктивистско-инструменталистского подхода, анализируется деятельность по осуществлению проектов нациестроительства государственными и интеллектуальными элитами. Признавая ситуативную привлекательность использования идеи национального конструирования в политических целях, автор отмечает ограниченность перспектив реализации таких проектов в современных условиях. Среди причин тому указываются следующие обстоятельства: утрата популярности националистического дискурса на Западе, прогнозируемый кризис государства-нации в условиях глобализации, развитие в современной философии, социологии, а также либеральной идеологии представлений о возможности автономного выбора и форматирования персональной идентичности, в том числе ее национального модуса. Статья констатирует, что решение проблемы национального самоопределения, проектирования и конструирования все заметнее смещается с коллективного на индивидуальный уровень.

Ключевые слова: глобализация, конструктивизм, нация, нациестроительство персональная и коллективная идентичность

В научных исследованиях последних десятилетий относительно сущности и генезиса нации наиболее популярной остается теория конструктивизма, согласно которой нация — феномен, не имеющий субстанциального основания (либо значимость такового вторична), он изобретается, производится, конструируется теми, кто заинтересован в результатах данного процесса. Такого рода подход противоположен т.н. примордиализму (эссенциализму), укореняющему этничность (национальность) в объективной реальности и вполне соответствует актуальным установкам социального и гуманитарного знания. Логика развития социально-политических процессов и общая культурно-мировоззренческая ситуация современности также способствуют популяризации неклассических подходов к трактовке национального. Представляет интерес применение идей этнонационального конструктивизма в утилитарных политических целях, в частности, деятельность государственных и интеллектуальных элит, направленная на искусственное проектирование и формирование наций и национальных государств.

В Европе эпохи модерна проблема нациестроительства стала актуальной вследствие осуществления капиталистической модернизации, разрушившей основания средневекового феодального уклада и обозначившей кризис традиционных моделей коллективной идентичности — сословной, цеховой, конфессиональной, династической. Новой моделью самоопределения для заново формирующихся или переформатирующихся сообществ и стала нация. Отчасти процесс становления наций шел естественно, но в значительной степени был сознательно направляемым, и практически всегда представление о нации, в отличие от средневековых моделей коллективной идентификации, было тесно связано с идеей политического объединения становящейся общности в пределах определенной территории, в идеале — в форме суверенного государства. Культурному, сословному, региональному, конфессиональному многообразию, если таковое было присуще населению данной территории-страны, противопоставлялся концепт единой гражданской нации.

Теоретики, исследующие этот процесс в конструктивистской парадигме, описывают его как представление и развитие образа сообщества-нации в сознании определенной совокупности людей: по мнению Б.Андерсона «нация стала представляться в воображении, и, будучи таким образом представленной, моделироваться, адаптироваться и трансформироваться» [1, p. 141], постепенно у людей крепнет ощущение принадлежности к ней. Функцию конструирования национальной идентичности посредством формирования соответствующего коллективного самовосприятия брали на себя, как правило, властные и интеллектуальные элиты новообразованных государств. С этой целью изобретались, унифицировались и пропагандировались такие атрибуты новой общности, как национальный язык и собственная историческая мифология, внедрялась единая для всей страны система школьного образования. Задача осуществления искусственного конструирования нации заявлялась порой вполне открыто: итальянский государственный деятель Массимо Д'Адзельо в середине XIX века провозгласил: «Италию мы уже создали, теперь нам предстоит создать итальянцев» [2, с. 72]. Позднее подобная логика нациестроительства стала актуальной для политических элит стран, освободившихся от колониальной зависимости, а также новых государств, возникших на территории бывшего СССР и Восточной Европы в последние десятилетия. И в начале нынешнего века тогдашний президент Украины Л.Кучма перефразировал фразу Д'Адзельо уже применительно к своей стране и украинцам.

Следует, впрочем, заметить, что прикладное применение идеи конструирования нации не исключает известной апелляции к логике субстанциализма. Не случайно инициаторы проектов нациестроительства нередко обращаются к знаковым событиям героического прошлого народа (реальным или вымышленным), рассуждают об уникальности его языка и культуры. Тем самым демонстрируется, что идея новой коллективной

целостности не является плодом чьего-то воображения и утилитарного интереса, а имеет реальные исторические и культурные основания. Возможна также точка зрения, что, хотя изначально концепт нации и инкорпорируется в сознание коллективного субъекта при помощи манипуляций соответствующими символами, в дальнейшем возникшая в результате такого «программирования» социальная общность продолжит существовать как нечто состоявшееся, не эфемерное. По словам современного российского теоретика, нация «есть связанная посредством воображения и сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, общими ценностями прошлого и настоящего социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве» [3, с. 15]. В этом вполне конструктивистском определении нация в то же время предстает и как реальная сущность.

Существует, однако, и более радикальная версия конструктивизма, когда нация, как, впрочем, и иные коллективные идентичности, полностью лишается онтологического статуса, представая как категория языка и мыслительная конструкция, не имеющая своего референта в объективной реальности и используемая в утилитарных целях. Такой подход может быть назван лингвистически-инструментальным или когнитивно-лингвистическим; по мнению одного из его ярких представителей Р.Брубейкера, «…расовые, этнические и национальные группы следует трактовать не как субстанциальные сущности, а как коллективные культурные репрезентации, как широко распространенные способы рассмотрения, понимания, анализа социального опыта и интерпретации социального мира» [4, с. 152]. Подобное решение проблемы вполне резонирует с идеями других популярных и влиятельных течений социологической и философской мысли. Среди теоретических направлений, отвергающих эссенциализм и сводящих социальную реальность к рефлексиям и интерпретациям повседневного опыта индивидов, можно назвать, к примеру, социальную феноменологию и социальный конструкционизм П.Бергера — Н.Лукмана.

П.Бергер и Н.Лукман обращали также внимание на свойственную человеческому восприятию процедуру реификации, в результате которой продукты деятельности людей начинают рассматриваться как нечто внешнее, совершенно от нее отличное, «вроде природных явлений, следствий космических законов или проявлений божественной воли» [5, с. 146]. И в социально-гуманитарных науках не всегда имеется возможность четко установить, представляет ли собой то или иное явление лишь идеальный конструкт, являющийся результатом творческой работы теоретического сознания, или же оно объективно существует во внешнем мире. Существует точка зрения, что соответствие содержания представления объективной реальности может быть (с известной долей условности) выведено из факта наличия такого представления в *коллективном* сознании — сознании группы, социального слоя, социума в целом и пр., особенно если данный факт оказывает влияние на целеполагание и поведение их членов. П.Бурдье приводил в качестве примера классовую теорию марксизма, которая, оперируя изначально существующей лишь в сознании отдельных ученых категорией рабочего класса, посредством политико-пропагандистской деятельности способствовала внедрению смысла этого понятия в сознание тех, кого считала этим классом, в результате чего стало возможным говорить уже о реальном существовании этого феномена [6, с. 190-191], ибо «класс (народ, нация или любая другая социальная действительность, нефиксируемая другим образом) существует, если существуют люди, которые могут сказать, что они и есть этот класс» [6, с. 206].

Однако, если следовать когнитивно-лингвистической логике, попытка онтологизировать социальные категории посредством их укоренения в массовом представлении отнюдь не придает их существованию устойчивость. Ведь если концепт нации искусственно сконструирован и внедрен в коллективное сознание, то точно также, опираясь на определенные дискурсивные практики, его содержание может быть деконструировано, трансформировано, элиминировано оттуда. Это касается и понятия нации как таковой, и идеи конкретной нации. Можно вспомнить недавнюю отечественную историю, когда жителей Советского Союза в течение десятилетий убеждали — и небезуспешно — в их принадлежности к такой наднациональной макрообщности, как советский народ, а затем им, уже гражданам новых государств (за исключением России), приходилось усваивать мысль о своей исключительно узко-национальной идентичности[1].

Расхождение между двумя версиями осмысления национального в рамках конструктивизма, таким образом, заключается в том, что, утверждая факт изначальной сотворенности этого феномена в сознании, воображении, можно либо признавать тем не менее его некую постонтологичность, т.е. последующее существование как элемента объективной социальной действительности, либо считать его исключительно символом, использующимся для интерпретации определенных явлений, категорией прикладной этнополитики, а то и социальной психологии, не воплощенной в объективной реальности и не имеющей собственной аналитической ценности, но, возможно, способной в определенных контекстах выполнять некую идентификационную, мотивационную, компенсаторно-консолидирующую функцию. Р.Брубейкер, отрицая объективное существование нации и подчеркивая тот факт, что понятия «этничность», «нация» и «раса» возникли как результат деятельности теоретиков или политических лидеров, призывает обратить внимание на процессуальный характер этих категорий и использовать вместо них термины «этнизация», «национализация» и «расизация» [4, с. 29]. То есть, существует не этнос или нация как объект, а «этнизация» или «национализация» как определенного рода фреймизация, репрезентация некоего события в соответствующей маркировке.

Для культурфилософского дискурса постмодернизма, отрицающего эпистемологический фундаментализм, пересматривающего многие классические принципы и ценности и трактующего

действительность как совокупность искусственных моделей-симулякров, также естественным является представление о том, что нации как укорененного в объективной реальности явления не существует. Признавая отсутствие заданных параметров сущности и существования человека, постмодернизм допускает конструктивистскую по сути возможность выбора и проектирования идентичности — национальной, культурной, гендерной — но уже не столько на коллективном, сколько на личностном уровне. При этом идентичность может меняться в течение жизни, а значит, индивид способен не только произвольно определять и презентировать себя, но и менять свой национальный (и иной) статус в различные периоды жизни. Логично, что и либерализм как доминирующее сегодня на Западе социально-политическое мировоззрение, постулирующее индивидуальные права и свободы в качестве высшей ценности, поддерживает идею о том, что свою национальную идентификацию (как и любую другую) человек определяет сам. И проблемой для него становится не только то, «как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность…» [7, с. 185].

Возникает, однако, вопрос: согласуется ли подобное постсовременное, ультралиберальное понимание нации с целеполаганием и практикой государственного нациестроительства осуществляемого, в частности, на постсоветском пространстве? Ведь политические элиты, занятые конструированием новой национальной общности, в первую очередь озабочены отнюдь не тем, чтобы оставить процесс личностной самоидентификации на откуп обывателям. Разумеется, документально факт национальной принадлежности гражданина ныне никем не устанавливается, регулярно проходящие в различных странах переписи населения, как правило, позволяют каждому гражданину-респонденту самостоятельно ассоциировать себя с определенной нацией или не делать этого вовсе. Тем не менее, на государственном уровне активно предпринимаются усилия — внедрение национально-идеологического компонента в образовательный процесс, популяризация и побуждение к использованию на разных уровнях национального языка, осуществление соответствующей политики в отношении культуры и СМИ — с целью своего рода программирования желательной национальной самодетерминации жителей страны. Вероятно, в этих случаях можно говорить о проявлении своеобразного культурно-политического и идеологического диктата, который диссонирует с интеллектуальным дискурсом и политической практикой современного Запада.

Среди значимых тенденций развития современного социума, оказывающих существенное влияние на дальнейшие перспективы нациестроительства, следует упомянуть и глобализацию. Движение в направлении всемирной экономической, информационной, и отчасти культурной интеграции, как и интенсивные миграционные потоки из одних регионов в другие, способствуют расширению горизонтов мировосприятия, благодаря которому постепенно формируется «присущее всем без исключения индивидам, нациям, культурам, цивилизациям осознание и ощущение их гармоничной общности и солидарности в рамках единого мирового целого». [8, с. 122]. В этих условиях можно предположить грядущую деструкцию национальной модели коллективной идентичности, на смену которой придет идентичность наднациональная, космополитическая. Параллельно с этим может иметь место и кризис института национального государства — он уже отчасти проявляется в таких, например, процессах, как доминирование в экономике транснациональных корпораций, способных диктовать условия национальным правительствам, или формирование глобального гражданского общества, представленного международными экологическими, правозащитными и иными организациями, осуществляющих мониторинг решений властей суверенных стран. В результате все больший объем государственного суверенитета «перераспределяется между локальными, региональными и всемирными институтами по принципу субсидиарности» [9, с. 66].

Однако современные проекты по созданию наций «сверху» чаще всего ориентированы как раз на другое. Осуществляемое конструирование-строительство нации (nation-building) рассматривается инициаторами данного действия как важнейшая часть процесса укрепления/строительства национального государства (nation-state building), выступает дополнительным политико-культурным инструментом консолидации людей, живущих на данной территории и имеющих общее гражданство. И пусть подобное стремление не определяет общую логику национальных процессов в XXI веке, тем не менее, ситуационную привлекательность такого рода попытки могут иметь и в наши дни. Причиной тому являются особенности исторического развития тех стран и регионов, где проблема создания новых государств по национальному признаку встала наиболее остро. Так, в странах бывшего СССР и Восточной Европы процесс нациестроительства запоздал на многие десятилетия в силу вовлеченности их элит и населения в осуществление интернационального коммунистического проекта, который во многом деактуализировал и десакрализовал идею и практику nation building образца европейского модерна. В условиях радикальных социальных перемен они вновь обрели востребованность, что позволило Р.Брубейкеру определять эти государства не просто как национальные, а как «национализирующиеся» [10].

Дополнительным фактором, способствующим или препятствующим успешной реализации того или иного конкретного проекта нациестроительства, стало его соответствие геополитическим интересам ведущих субъектов мировой политики — речь идет прежде всего о США и странах Запада в целом, сохраняющих значительное экономическое, информационное, военное влияние и рассматривающихся многими в качестве эталона демократии. Они, к примеру, с самого начала активно поддержали стремление к независимости бывших советских республик, поскольку тем самым наносился урон противнику в холодной войне — СССР, а затем — их дальнейшие усилия по осуществлению жесткого варианта строительства нации-государства

(подразумевавшего, как правило, отторжение от России и всего русского как в политическом, так и в культурном смысле), т.к. это способствовало и способствует ограничению геополитического и экономического влияния уже современной РФ, также рассматривающейся в качестве антагониста Запада. Можно, таким образом, отметить, что в вопросе конструирования нации нередко оказывается важным не только закрепление образа данного феномена в коллективном сознании конкретного сообщества, но и признание реальности ее существования со стороны значимых других — тех, кого можно считать «хозяевами политического дискурса» в современном глобальном мире. В том числе и поэтому, например, провозглашение независимости Косово (государственного образования, институализировавшего национальные устремления местных албанцев) увенчалось успехом, тогда как аналогичные попытки Шотландии, Каталонии, Курдистана сталкиваются с серьезными препятствиями.

Большинство существующих ныне государств сохраняет административно-территориальную целостность и коллективную самоидентификацию своих граждан как единой политической нации на протяжении долгого исторического периода, их распад и возникновение новых стран-субъектов международного права по национальному признаку сегодня вряд ли ожидаем (хотя неоднозначность международно-правовых положений на этот счет и не исключает такую возможность). На Западе традиционный националистический дискурс и вовсе не считается ныне политкорректным и чаще всего маскируется риторикой иного толка. Симптоматично, например, что сторонники независимости Шотландии в стремлении реализовать свою цель не столько обращаются к теме собственно национального, сколько говорят о проблемах местной социальной политики, а также о самом *праве решать*, которым должны быть наделены граждане, проживающие на территории этой страны [11, с. 78]. Тем не менее, инструментальное использование категорий «нации» и «национального» в политических целях, апелляция с их помощью к аффектам коллективного сознания остается востребованным и на Западе; при этом, однако, продуцируются новые смыслы и мотивации к действию, нежели создание / консолидация государства-нации. Во многом актуализация национальной темы вызвана критической реакцией на негативно воспринимаемые частью общества проявления глобализации и региональных моделей межгосударственной интеграции. К примеру, набравшее в последнее время популярность движение т.н. евроскептиков может быть отчасти истолковано как протест против растворения национальной идентичности в идентичности универсально-европейской. Однако стремление лидеров данного движения восстановить в правах прерогативы национальных правительств, частично утраченные в пользу бюрократии Евросоюза, отнюдь не предполагает создания новых наций. Известно, что националистом называл себя бывший президент США Д.Трамп, имея, впрочем, в виду не более чем отказ от излишней вовлеченности своей страны в глобализационные процессы, пагубной, с его точки зрения, для американской экономики.

Процесс конструирования (проектирования) национальной идентичности в современных (а тем более в постсовременных) условиях все заметнее смещается с макросоциального уровня на средний и низовой, переносится из сферы государственной политики в пространство групповой и индивидуальной активности. Выяснилось, что глобализация, ставя под угрозу статус и полномочия национальных государств, не исключает стремления людей к самовыражению, в т.ч. национальному, в иных форматах. Происходит институциализация совместной деятельности людей, коллективно идентифицирующих себя по определенным критериям, в рамках системы горизонтальных социальных связей и гражданского общества. Конструирование национального в этом случае может состоять в воссоздании заново утраченных самобытных традиций, возрождении языка и искусства — не с целью, однако, противопоставления вновь созданной уникальности реалиям постсовременного глобального поликультурного социума, а с целью ее презентации в качестве одного из многих составляющих его элементов. Безусловно, в усилиях по реконструкции национальных, этнокультурных и иных сообществ в новых условиях при желании можно обнаружить и прагматическую (в том числе коммерческую) мотивацию: образно выражаясь, возрожденная национальная культура может занять место «бутика в пространстве глобального супермаркета, который удовлетворяет потребность Homo postmodernus в экзотике» [12, с. 37].

Наконец, в современном динамичном и турбулентном мире актуализируется возможность конструирования собственной персональной идентичности, в том числе и национальном аспекте. Все очевиднее утрачивается жесткая связь индивида с определенным локусом проживания, конкретным государством, фиксированным социальным статусом — как по причине возрастающей интенсивности физических перемещений людей из одних регионов в другие, так и вследствие бурного развития глобальной виртуальной информационной среды, погруженность в которую продуцирует ощущение экстерриториальности и релятивизацию личностной самоидентификации ее пользователей-обитателей. Мигрант, добровольно или вынужденно оказавшийся в этнокультурной реальности, отличной от страны его происхождения; ребенок, родившийся от брака родителей разных национальностей; пользователь интернета, ставший активным членом виртуального сообщества, состоящего из людей, говорящих на другом языке и/или являющихся гражданами иного государства — все они способны самостоятельно определить собственное национальное «Я». Причем не исключено, что оно будет сочетать в себе несколько компонентов: индивид может идентифицировать себя, скажем, как афро-француза или американца англо-индийского происхождения, может и вовсе ощущать себя представителем давно уже не существующей или вымышленной национальности.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что конструктивистский метод осмысления категории «нация» справедливо считается наиболее адекватным современным социальным и интеллектуальным реалиям. Однако проекты нациестроительства с активным задействованием институтов государства, хотя и имеют место в наши дни, в будущем, вероятно, не станут определять характер глобальной политики. Национальное конструирование все чаще становится продуктом креативных усилий негосударственных субъектов — сообществ, групп и отдельных индивидов, использующих дискурс о нации в стремлении достичь своих частных целей, не обязательно политических. Вполне допустим и полный разрыв национального с политическим, прежде всего на личностном уровне, когда первое выступает в качестве одного из множества маркеров-элементов, вкупе составляющих интегральный образ индивида, воображаемый и творимый им самим. Становление глобального информационного общества, а также радикальные ценностные трансформации в западной культуре и мировоззрении рубежа XX—XXI вв. способствуют актуализации именно такого сценария конструирования национального.

Примечание

1. Можно добавить, что в некоторых бывших советских республиках теперь активно популяризуется идея причастности их граждан к идентичности европейской, то есть не столько национальной, сколько культурно-цивилизационной. А для современной многонациональной России актуальной является проблема укрепления общей национально-гражданской идентичности — российской а-ля советской, но без идеологического содержания.

1. Anderson B.R.O'G. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism (Revised and extended. ed.). London; New York: Verso, 2006. 240 p.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
3. Гранин Ю.Д. «Нация» и «этнос»: эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII—XX столетий // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 5-16.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323с.
6. Бурдье П. Начала. Choses dites. M: Socio-Logos, 1994. 288 с.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
8. Шипулин В.О. Эволюция социально-философских представлений о всемирном обществе: к проблеме становления глобального мировоззрения // Вестник Новг. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 83. Ч. 2. С. 122-126.
9. Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 63-75. doi:10.17976/jpps/2014.04.05
10. Brubaker R. Nationalizing States in the Old “New Europe” and the New. Ethnic and Racial Studies. 1996. Vol. 19. P. 411-437.
11. Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия… Метаморфозы национальной идентичности в “старой” Европе // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 70-87. doi: 10.17976/jpps/2018.05.07
12. Аполлонов И.А., Тарба И.Д. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 30-42.

References

1. Anderson B.R.O'G. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism (Revised and extended. ed.). London; New York, Verso, 2006. 240 p.
2. Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, myth, reality. Cambridge University Press, Cambridge [etc.], 1990. 191 p. (Russ. ed.: Nacii i nacionalizm posle 1780 goda. St. Petersburg, 1998. 306 p.).
3. Granin Yu.D. “Naciya” i “etnos”: evolyuciya podhodov i interpretacij v filosofii i nauke XVIII—XX stoletiy [Evolution of the concepts ‘ethnos’ and ‘nation’ in the history of the European philosophy and science of 18th–20th centuries]. Voprosy Filosofii, 2015, no. 7, pp. 5-16.
4. Brubeyker R. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups]. Moscow, 2012. 408p.
5. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. London, Penguin books, 1991. (Russ. ed.: Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya Moscow, 1995. 323 p.).
6. Bourdieu P. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. 228 p. (Russ. ed.: Burd'e P. Nachala. Choses dites. Moscow, 1994. 288 p.).
7. Bauman Z. The Individualized Society. Polity, Cambridge, 2001, 272 p. (Russ. ed.: Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. Moscow, 2002. 390 p.).
8. Shipulin V.O. Evolyuciya social'no-filosofskih predstavleniy o vsemirnom obshchestve: k probleme stanovleniya global'nogo mirovozzreniya [Evolution of sosial and philosophic visions of the world society: on the problem of global outlook formation]. Vestnik of NovSU, Gumanitarnyye nauki ser., 2014, no. 83. part 2, pp. 122-126.
9. Kochetkov A.P. Nacional'noe gosudarstvo v usloviyah globalizacii [National State in the Conditions of Globalization]. Polis: Politicheskie issledovaniya, 2014. no. 4, pp. 63-75. doi:10.17976/jpps/2014.04.05
10. Brubaker R. Nationalizing States in the Old “New Europe” and the New. Ethnic and Racial Studies, 1996, vol. 19, pp. 411-437.
11. Semenenko I.S. Nacionalizm, separatizm i demokratiya. Metamorfozy nacional'noy identichnosti v “staroy” Evrope [Nationalism, Separatism, and Democracy. New Patterns of National Identity in “Old” Europe]. Polis: Politicheskie issledovaniya, 2018. no. 5, pp. 70-87. doi: 10.17976/jpps/2018.05.07
12. Apollonov I.A., Tarba I.D. Problema osnovanii etnokul'turnoi identichnosti v kontekste globalizatsii [The Problem of the Grounds of Ethno-Cultural Identity in the Context of Globalization]. Voprosy Filosofii, 2017, no. 8, pp. 30-42.

Shipulin V.O. Constructivist idea of the nation and the prospects for nation-building in modern political practice. The article examines the problem of constructing a nation in a theoretical and applied aspect. Various interpretations of the concept of "nation" from the point of view of the constructivist-instrumentalist approach are considered and the activities for the implementation of nation-building projects by state and intellectual elites are analysed. Recognizing the situational attractiveness of the idea of national construction for political use, the author notes that the prospects for the implementation of such projects in modern conditions are limited. He points out the obstacles to the nation-building process, such as the loss of popularity of nationalist discourse in the West, the expected crisis of the nation-state in the context of globalization and the development of ideas about the possibility of self-determination and self-formatting of personal national identity in modern philosophy and sociology, as well as in liberal ideology. The article states that the solution to the problem of constructing a nation is increasingly shifting from a collective to an individual level.

Keywords: Constructivism, globalization, nation, nation-building, personal and collective identity.

Сведения об авторе. Всеволод Олегович Шипулин — кандидат философских наук (специальность 09.00.11), доцент по кафедре философии; доцент кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0001-5517-3994; Vsevolod.Shipulin@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Шипулин В.О. Конструирование нации как проблема социальной теории и актуальной политической практики // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2(35). С. 269-274. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.2(35).269-274

For citation: Shipulin V.O. Constructivist idea of the nation and the prospects for nation-building in modern political practice. Memoirs of NovSU, 2021, no. 2(35), pp. 269-274. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.2(35).269-274